

Анна Чернова

Хроники Ада

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Анна Чернова

Хроники Ада

<https://litres.ru/74364844>

SelfPub; 2026

Аннотация

Забудьте всё, что вам рассказывали в воскресной школе. Дьявол давно не носит Prada и не живет в котле. Его новое ведомство выглядит как безликое офисное здание где-нибудь на окраине Москвы, а входящий номер вашего личного дела только что высветился на табло электронной очереди.

Эта книга — не роман. Это оперативная сводка закрытых экспериментов. Проект «Страшный суд 2.0». Объективная фиксация того, как рушится человеческая психика под микроскопом абсолютного зла.

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Анна Чернова

Хроники Ада

Глава

День и ночь здесь слиплись в единый, неразделимый комок грязного пластилина. Время больше не течет — оно гниет. Я давно перестал вести счет часам; цифры осыпались с циферблатов жирной серой пылью, похожей на пепел сожженных надежд. Бесконечность передо мной лежит унылым, монохромным саваном.

Внизу копошатся люди. Они продолжают плодить грешников с пугающим энтузиазмом насекомых, навязывают им свои картонные ценности, вбивают их в мягкие детские черепа молотком морали, а после сами же удивленно разводят руками: почему это их идеальный сын вскрыл вены в ванной? Почему дочь пошла по рукам? Вмешиваться в эту жалкую возню мне строжайше запрещено Уставом. Да и зачем? Вы и так демонстрируете поразительную, почти художественную эффективность в деле разрушения своей никчемной жизни и судеб тех, кто имел глупость вас полюбить.

Вот и сегодня. На моем столе лежат три папки из плотного картона. Личные дела. Их пульсирующие нити судьбы уже перерезаны под корень — земная оболочка каждого должна

внезапно обратиться в прах в течение ближайшего месяца. Формальность. Отчетность. Но как же это наскучило... Пыль веков оседает на плечах тяжелее свинца.

Я лениво перелистываю страницы. Дела хрустят, словно старые суставы. Первый экземпляр. Интриги корпоративного планктона. Разврат, сухой и механический, лишенный даже тени страсти — просто сброс напряжения, как мочеиспускание. Походы в церковь по расписанию, чтобы откупиться от всевидящего ока дешевыми свечками ради дешевого авторитета перед соседями. Святые в доме, ангелы в кругу семьи... Как только дверь за гостями закрывается, они показывают свое истинное лицо. Перекошенное, брызжущее слюной, уродливое. Господи, какими же омерзительными тварями вы умудряетесь быть, оставаясь наедине со своим отражением.

Ничто не цепляет глаз. Банальность. Клише. Тлен. Но что-то держит. Тонкая, невидимая леска натягивается где-то во тьме моего кабинета, мешая поставить печать «Утилизировано». Что именно заставляет меня медлить, перечитывая сухие строки протоколов? Что может заставить вечность заинтересованно наклониться над вашими ничтожными тридцатью днями?

Смотрю на первый лист. Довольно частый биологический вид. Хороший семьянин. Хирург с золотыми руками, спасший десятки жизней. Но внутри — жадный до мозга костей, до самого продолговатого червь. Он считает каждую моне-

ту. Не доверяет банкам, этому новому алтарю человечества. Кряхтя, лезет под пружинный матрас советской кровати, гладит свои сбережения — пухлую стопку влажных, пахнущих потом и старческой тревогой купюр. Прячет там свою душу, полагая, что дерево и ткань защитят ее лучше камня.

Что ж. На этих бумажках ты и истечешь кровью. Это было бы слишком просто. Слишком чисто для такого лицемера.

Пройди последнее испытание, жалкий человечиска.

Тяжелая обложка папки с грохотом падает на столешницу из черного обсидиана. Лампа дневного света над столом мигает один раз и начинает источать вместо белого мертво-багровое, венозное свечение. Воздух в кабинете мгновенно густеет, превращаясь в смолу, забивающую легкие. Из вентиляционной решетки тянет ледяным сквозняком подземелья и сладковатым запахом формалина.

Я поднимаю взгляд. В углу комнаты, куда не дотягивается багровый свет, сгущается абсолютная чернильная темнота. Она медленно обретает форму высокого стула с прямой спинкой. Приглашение готово. Садись, эскулап. Посмотрим, сколько стоит твоя любовь к дочери, когда я предложу тебе обменять все эти мятые бумажки под кроватью на единственный шанс услышать ее прощальное «папа» из операционной, откуда тебя вышвырнули вчера утром. Текстура воздуха меняется — теперь он царапает гортань изнутри тысячами микроскопических иголок. Выбор всегда дается легко лишь тому, кто еще не стоял на краю собственной могилы,

чувствуя, как сырая земля уже осыпается на лакированные туфли.

Он меня не видит и не слышит — оттого зрелище ещё слаще, ещё невыносимее в своей тихой, кровавой красоте. Он казнит себя сам, медленно, смакуя каждое мгновение: кровь его маленькой дочурки — алым лаком на его дрожащих руках. Он видел недуг, он знал, но отвернулся, прикрывшись скупостью, — не захотел платить за обследование. Какая же это драма, какая изысканная пытка: он, врач, свято веривший, что его плоть, его кровь не могут болеть, — теперь сам стал гнилой раной. А девочка задыхалась от астмы, лежала тихо, боясь потревожить родительский покой своим тяжёлым, рваным дыханием. Глаза её неумолимо закрывались, а мозг, спасаясь, посылал ей галлюцинации — чтобы напоследок, перед вечной тьмой, она увидела мультик. Ох уж, эти ангелы — трудолюбивые, верные своим спутникам до самого конца.

Я сижу напротив и смотрю, как он хлещет водку. Жалкое, отвратительное, восхитительное зрелище. Где-то за стеной жена проклинает его, задыхаясь от слёз, уже готовая взяться за нож, чтобы перекрыть и ему кислород. Я всегда питал страсть к сильным женщинам, но извини, дорогая Марта, этой ночью он безоговорочно мой.

Я выпустил одного из своих питомцев — с виду он напоминал большого червяка с лапками и единственным чёрным, немигающим глазом. Моё творение, да, горжусь им. Назвал

его Митом. Не смотри на столь безобидное имя — он кро-
вожаден, он голоден, он не знает пощады. Я спустил его по
руке, и он тут же побежал к человеку, встал перед ним, но не
нападал — изучал, впитывал его страх, пробовал его на вкус.
«Не медли. Начинай». И он подчинился, слившись с рукой
хирурга, впившись в его плоть, и начал показывать и без то-
го опьянённому, воспалённому мозгу недуги, каких свет не
видывал. Вот из его руки вены пляшут, извиваются, словно
оголённые провода, словно змеи, рвущиеся наружу из-под
кожи. Увидев их, он бледнеет, как белый лист, как призрак,
который ещё не знает, что уже мёртв. Он сам достаёт скаль-
пель и начинает их искусно, опытной рукой отрезать. Но ес-
ли ты думаешь, что это так просто, ты глубоко заблуждаешь-
ся: сколько ни режь, сколько ни потроши себя — не умрёшь,
пока я того не захочу. Боль — это лишь цвет, которым я пи-
шу свою картину.

Каждую ночь я являлся к нему. Каждую ночь он кричал,
а я слушал. Всё его тело уже покрыто шрамом на шраме, ру-
бец на рубце, словно карта неизведанной, безумной страны.
Днём он благополучно обо всём забывал, но ночью всё вспо-
минал, захлёбываясь криком. От него все отвернулись, ре-
шив, что он безумен. Жена удручённо вызвала полицию, не
понимая, что происходит с её супругом, но втайне проклинала
его за потерянную дочь — проклинала так же яростно, как
когда-то любила, — и только мечтала сдать его в психушку.
И ей почти это удалось. Вот только копы нашли его заначку.

Увидев ту сумму денег, которую он так бережно прятал ото всех, — цену жизни своего ребёнка, — оставшись наедине, она взяла скальпель и перекрыла кислород, разрезав шейную артерию. Она поднесла скальпель и к себе, решив закончить начатое, — но я не позволил. Она случайно, ну как случайно, потеряла сознание. Твоё время ещё не пришло, дорогая Марта. Ты ещё нужна мне. Ты ещё станцуешь свой танец.

Его смерть — лишь цветочек на могиле этой истории. Марту увезли в психушку, и в этом — ядрёная ирония судьбы: она плевалась на душевнобольных как на грязь под ногтями, а теперь сама — одна из них, среди воя и белых стен. Да-да, всех вас, кто посмел думать, ждёт та же расплата. Расплата за роскошь разума. Будьте покойны.

Но настоящий шедевр я сотворил здесь, в аду, для него. Мой персональный театр пыток. Он живёт в аду, и его котёл — слепок его прежнего мира: дочь жива и смеётся, жена — любящая, тёплая. Всё — точь-в-точь, до мурашек. Вот только цены... о, цены в магазине изменились. Он — нищий. Его миллионы — жалкий сор, на который не купить даже чёрствую булку. Еда здесь — мираж, но он об этом не знает и вечно грызёт пустоту, вечно глотает слюну от жажды. Он вынужден горбатиться. Не врачом, как вы могли вообразить — какая пошлость! Нет. Он копает могилы. Вручную. Сотни могил, одна за другой, вязкая глина липнет к лопате, пот заливают глаза, спина трещит по швам, а пальцы в кровавых мозолях. И всё равно он едва сводит концы с концами. От-

даю должное: львиную долю он отдаёт моим демонам, что явились ему в облике его дочери и жены. Они берут, не благодаря, и смотрят с неммым укором.

Он свято, до дрожи верит, что его прошлая жизнь — лишь кошмар, дурной сон. Но иногда, краем глаза, он замечает трещину в реальности. Он замирает. Потом — мои демоны. Их руки — как липкая паутина — стирают воспоминание, не разрывая порочного круга. И память тонет в забвении. И, пока он спит, они пьют его душу, высасывают её, как губку. Оттого лопата с каждым рассветом тяжелее. Земля давит. Воздух густой, как кисель. И пустота внутри разрастается.

И напоследок — моя любимая деталь. Мальчик, которого он не спас. Тот, чья мать не нашла денег. Каждый день он стоит перед ним. Бледный, с пустыми глазницами, в которых — тьма. Он не говорит. Он просто смотрит. И его взгляд — это медленная пытка, гвоздь, вкручиваемый в висок. Он доводит его до безумия. До того самого края, за которым — лишь тишина и вой. Ведь он уверен: тот мальчик погиб от его рук. И эта мысль — единственное, что осталось в нём настоящим.

Мария. Тридцать семь лет. Подполковник. Языком сухих цифр личного дела это звучит весомо, но для меня — лишь еще один сгусток запекшейся плоти в картотеке. Главнокомандующая... За свою жизнь она прервала восемнадцать пульсаций. Где-то статистика списала их на «несчаст-

ные случаи во время учений» и «допустимый сопутствующий ущерб». Пожары в казармах, которые почему-то всегда начинались в архивах со старыми взысканиями. Снаряды, упавшие ровно в центр палатки со спящим личным составом. Некоторых она просто пристрелила сама — хладнокровно, без тремора в руках, зафиксировав отличную кучность попаданий прямо в сердце. Карие глаза? Я смотрю в них через скан сетчатки. Это не цвет радужки, это застарелый янтарь, внутри которого навсегда замурована муха предательства. Высокий рост, спортивное тело — идеальный армейский механизм, биологическая машина для убийства, смазанная чужим унижением.

Отдаю должное армии: они отлично умеют полировать дерьмо до зеркального блеска. Но давай-ка заглянем под этот безупречный китель. Заглянем в твоё прошлое, птенчик.

Дьявол возвращается назад по временной шкале. Про странство вокруг рвется, как старая киноплёнка. Ш-ш-шух...

Ей нет и пяти. Мать умерла тихо, от какой-то постыдной женской болезни, сгнив изнутри. Запах хлорки и гниющих бинтов намертво въелся в память ребенка. Остался отец-одиночка. Военный. Значит, решила пойти по стопам папочки? Нет, крошка. Никто у тебя ничего не решал. У тебя просто украли выбор вместе с материнской лаской.

Смотри внимательнее. Вместо детской — оружейная комната, пахнущая ружейным маслом и кислым порохом. Воспитывал в строгости? Какая пошлая эвфемизмология. Он

ломал ее волю коленом. Вместо кукол Барби — ржавые разборные гантели, оставляющие синяки на хрупких запястьях. Вместо шелковых лент и косичек — электробритва, снимающая светлые волосы под корень каждое воскресенье. Кожа головы бледная, просвечивают синие жилы вен, а от малейшего сквозняка череп стягивает ледяной судорогой. Утро начинается не со слов «доброе утро», а с команды «На старт!». Зарядка до кровавых мозолей. Бег в противогазе, пока легкие не начинают гореть жидким огнем. Отжимания на кулаках, пока нос не хрустнет о бетонный плац. Нормативы ГТО... Надо же, какая умница. И ведь действительно — к тринадцати годам эта девочка уже тянула лямку наравне с матерыми срочниками. Она научилась собирать автомат Калашникова вслепую раньше, чем прочитала первую главу «Алисы в Стране чудес».

Девочки сторонились ее запаха — смеси хозяйственного мыла, пота и жженого металла. Она была абсолютным изгоем, ходячим мертвецом среди живых детей. Но никто не смел перечить ей. Ее боялись. Боялись панически, до мокрых простыней в лагерях летнего отдыха. Даже учителя физкультуры отводили взгляд, когда она проходила мимо, чекая шаг берцами сорок второго размера.

Удивительно, говоришь? Ничего удивительного. Страх — самый понятный язык общения.

И вот тут фокус линзы сужается. Дьявол смотрит сквозь стену. Вечера. Когда казарма затихает. Эта машина для

убийств сворачивается клубком на жесткой койке, подтянув колени к груди. Броня трескается. Маленькая Мария беззвучно рыдает, уткнувшись лицом в тощий брезент подушки. Она тоскует по матери так, что воздух в кубрике становится густым от соли. Она мечтает уехать. В семнадцать лет покупает билет в один конец, хватает старый рюкзак... Но отец перехватывает ее на перроне. Его пальцы, привыкшие нажимать на спусковой крючок, впиваются в детское плечо. Не крик. Тихое, змеиное шипение на ухо. И отправляет напрямик в военное училище. На перевоспитание.

Там происходит метаморфоза. Гусеница надевает парадную форму. Первая красавица курса — потому что красота солдата заключается в его смертельной эффективности. Пленяла лучших парней одним взглядом исподлобья — они чувствовали исходящую от нее ауру хищника, готового перегрызть глотку любому ради выживания. Лучшая студентка. Красный диплом, пропитанный адреналином.

Значит, она никогда не выбирала эту судьбу. Отец просто решил за нее, вытравив из дочери все женское каленым железом.

Когда живот начал округляться от любви к какому-то безусому курсанту, отец настоял на аборте. Послушная дочь легла на кресло. Холодная сталь гинекологических инструментов. Металлический вкус во рту от наркоза. Разрыв нежных тканей. Кровь. Больше детей иметь не может. Физически. Матка изуродована, репродуктивная функция стерта

навсегда.

Именно в ту секунду, когда вакуумный насос высосал из нее плод, ее сердце окончательно обратилось в кусок черного гранита. Ни одной доброй улыбки. Ни единого теплого слова. Только прямая линия плотно сжатых губ. Весь свой невысказанный вопль, всю боль нерожденного ребенка и убитой матери она вбила в тренировки. Поднимала веса, пока сухожилия не начинало звенеть, как струны. Бежала, пока икры не превращались в камень. Стала лучшей. Настолько идеальной, что генералы кончали от восторга, глядя на ее строевой шаг. Довольно быстро поднялась до генерала сама.

Ох, даже жаль. Если учитывать тот факт, что в детстве она мечтала стать певицей...

Вечер. Кабинет командира части. Карты дислокации, запах кожи и сигар. Все ушли. Тишина давит на барабанные перепонки. Она подходит к окну. Закрывает глаза. И начинает тихо-тихо, себе под нос, напевать какую-то причудливую, рваную мелодию. Колыбельную без слов. Видимо, сочинила там, в темноте своей искалеченной души. Но петь так и не научилась — голосовые связки сорваны бесконечными командными криками, вместо мелодии выходит сухой, надтреснутый шепот, похожий на скрежет наждачной бумаги по стеклу.

И так, твой последний месяц. Я не буду убивать тебя быстро, Мария. Это было бы милосердием, а моя канцелярия давно исчерпала лимит на жалость. Я начну с самого слад-

кого — с гниения твоей единственной брони. Тебе начнет чудиться твое нерожденное дитя. Сначала это будет лишь фантомная боль внизу живота, словно кто-то вкручивает туда ледяной штопор. А потом он придет. Он будет приходить каждую ночь в фазу быстрого сна. Он уже знает твою спальню лучше, чем ты сама. Маленькая девочка лет пяти. Она будет звать на помощь. Не истошно, нет. Тихо, надсадно, с той хрипотцой утопленницы, когда вода уже заполнила легкие. «Мамочка...» Ее пальцы будут царапать стекло закрытого окна казармы. Ты будешь видеть ее силуэт в перекрестье прицела во время дневных стрельб — маленькая мишень за бетонной плитой. Но ты не сможешь сделать и шага, чтобы помочь. Твои ноги будут залиты бетоном уставов. Твоя рука намертво примерзнет к спусковому крючку, который отказывается нажиматься. Моя пытка великолепна в своей изощренности: твоя дочь всегда будет так мучительно близка, но абсолютно недостижима. Между вами всегда будет стоять невидимая стена из армейского оргстекла. В эту же ночь Марии приснился сон. Обычный кошмар, списанный на переутомление и дешевый растворимый кофе — она даже не обратила внимания на сюжет. Но сердце под хлопковой сорочкой забилося пойманной птицей о ребра, грозя проломить грудную клетку. Каждую ночь она терзалась об этот детский голос с его вечным, ржавым вопросом: «Почему, мамочка? Почему?» Преследовал ли он ее только в темноте? Нет. Эхо этого голоса поселилось прямо в барабанных

перепонках. На плацу, отдавая команды роте, она внезапно слышала шепот сквозь лязг берцев. В столовой запах гречки вдруг перебивался запахом молочной детской отрыжки. Во время учений по зачистке здания ей казалось, что из-за угла вот-вот выбежит ребенок, и палец предательски соскальзывал с предохранителя. Голова оставалась ясной, холодной, генеральской, но где-то глубоко внутри, там, где должен был быть материнский инстинкт, теперь зияла черная, кровающая дыра. Отец, старый цепной пес, привыкший чужой страх противника за километр, видел, что с дочерью творится неладное. Его волевой подбородок дрогнул впервые за тридцать лет службы. Он решил провести воспитательную беседу. Пришел в ее квартиру без стука, пахнувший одеколоном «Шипр» и старостью. Вот только она его и близко к себе не подпустила. Сухой щелчок затвора ПМ прозвучал громче раската грома. Девятимиллиметровая пуля вошла точно в коленную чашечку. Хруст дробящейся кости перекрыл все звуки ночи. Да, старая сука Память, всё возвращается. Когда она, будучи маленькой лысой девочкой, умоляла отца просто поговорить с ней или поиграть в куклы, сидя на ковре, ты поступал точно так же. Отворачивался к окну. Утыкался в газету «Красная Звезда». Говорил: «Отставить сопли, солдат». И нет, Мария, это наказание выписано не только для тебя. Оно щедро размазано и по его сморщенной душе. Несмотря на всю свою звериную строгость, этот сухарь любил дочь до животного безумия. Каждый раз, глядя на ее ко-

ротко стриженный затылок, жесткие скулы и карие глаза, он видел не солдата. Он видел жену. Свою единственную женщину, сгнившую изнутри. Должен отдать должное этому ископаемому: ни одну другую самку он в дом не привел. Остался верным трупу. И жена действительно время от времени ему снилась. Приходила теплой тенью, гладила по голове, чего никогда не делала при жизни. Ожидаемо. Предсказуемо. Как падение гильзы на линолеум. Табуретка, скрипящая под весом старого тела. Грубая пеньковая веревка, впивающаяся в морщинистую шею. Потолок прихожей, стремительно несущийся навстречу. Его больше нет. Старый волк совершил сеппуку своим единственным грехом — гордыней. Оставил тебя совершенно одну против моих голосов. А девочка во снах меняется. Теперь она не просто зовет. Она начинает *таять*. Кожа на ее ручках сереет, покрывается трупными пятнами зеленоватого оттенка, плоть сползает с костей влажными лоскутами, обнажая желтоватый хрящ. Но глаза остаются прежними — огромными, карими, полными недоумения. Она подходит вплотную к кровати Марии и кладет свою холодную, склизкую ладошку прямо на то место, где у подполковника выжжен шрам от кесарева сечения, которого никогда не было. «Ты променяла меня на железки», — говорит она, и из ее рта вместе со словами вываливается ком черной земли. «Теперь посмотри, каково это — держать пустоту». Голос звучит прямо здесь, в моей гостиной. Воздух перед столом сгущается, становясь вязким, как мазут. Про-

странство натягивается и рвется с тихим звуком лопающейся струны. Прямо из воздуха, из самой тьмы моего кабинета, медленно проступает детская кроватка. Дешевая, советская, с облупившейся голубой краской. Внутри нее лежит сверток. Он не шевелится. Он не дышит. Но я чувствую, как от него исходит тепло живого человеческого тела. Тепло, которое Мария украла у мира двадцать два года назад. Выбор за тобой, генерал.

И, как и ожидалось от сломленного механизма, ей страшно.

Это не тот животный, понятный ужас перед вражеской пулей или артобстрелом, который она научилась вгонять глубоко под ребра вместе с адреналином. Этот страх — холодный, склизкий, он ползет по позвоночнику черной амебой. Она бледна до синевы, словно из всех ее сосудов разом выкачали кровь, оставив лишь прозрачную лимфу. Бледнее мелкой росы, что дрожит на лезвии ножа перед тем, как сорваться вниз. Ее руки — главный инструмент хирурга смерти, всегда твердые, как приклады автоматов, — теперь ходят ходуном. Мелкая, паркинсоническая дрожь пробивает сухожилия. Этой слабости и в помине не было раньше; природа просто забыла встроить этот предохранитель в тело генерала.

Она стоит посреди моего кабинета, но видит не obsidianовую столешницу и багровый свет лампы. Перед ней колышется воздух над раскаленным песком плаца вечности. И она не может разжать пальцы. Физически не может. Ту-

гой сверток, прижатый к груди так сильно, что хрустят собственные ребра, пульсирует ледяным холодом сквозь тонкую ткань пеленки. Это обманка. Морфологический макет младенца, слепленный из застывшего гноя, кладбищенской глины и невыплаканных слез. Он весит ровно столько, сколько весит душа утопленника. Но ее материнский инстинкт, выжженный кислотой двадцать лет назад, вдруг прорвал корку струпа. Она держит эту мертвечину, боясь лишний раз вдохнуть, чтобы потревожить то, чего никогда не существовало.

Её не стало прошлой ночью. Старое сухое дерево наконец-то рухнуло. Табуретка выскользнула из-под ног отца, верёвка пережала его яремную вену, и потолок прихожей принял на себя тяжесть греха. Теперь некому защищать её даже во снах. Она осталась абсолютно голой передо мной.

«Так в аду ты будешь присматривать за детьми», — прошептал ледяной голос. Он не исходит изо рта стоящей напротив фигуры. Он сочится прямо из пор штукатурки, капает с потолка вязкой слюной, вибрирует в костном мозге её черепа. — «Что-то вроде детского сада. Будешь следить за ними».

Воздух перед Марией сгущается, обретая форму огромной, уходящей во тьму игровой площадки. Вместо качелей там подвешены ржавые крючья для туш. Вместо песочниц — ямы, заполненные битым стеклом и шевелящимися опарышами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.